

бандалық жолмен барлық жарарлық мүлік-тамақтарын күшпен тартып алып, жоғарыдағы ауыл бұқараларына өтірік бандалық жұмысын жайып әсер беріп отырғандығы толық сезіліп отыр.

2)осы аудан, сан 5 ауыл кеңес ағасы Аманбай Сәрсембайұлы бүкіл Алғабас колхозының мүшелері болып ауылдарына қашып келген атақты жуан Омарбек Қауымбекұлы, Төкебай, Құсайын Тәтиұлы, Сыздық Сақауұлдарын қолдарына құрал-мылтық тауып беріп жоғарғы қашқындардың ел еңбекшілерінің тиышын алуға кеңес ағасы Сәрсембай бас болып, үлкен жол ашып отырғандығы, онымен бірге Спаскі зауытындағы өндіріс курс оқуына кеткен кедей балаларына март айының ішінде оқудан қайтындар, Орал обылысында 4 патшаның соғысы болып жатыр, атысқа жібереді, оққа ұшасындар, жуырда Кеңес үкіметі жоқ болады, бізге кәзет келді – деген сөздерді айтып Алғабас колхоз басқармасы болып және кеңесі Сәрсембайұлы болып қатынас жазып, ел еңбекшілерінің арасына сондайлық тиышсыздық әсерге салып отырғандығы байқалады. Сондықтан сізден сұраймын. Себебі: Шет аудандық милиция және қылмысты зерттеу бөлімінің қызметкерлері тез арада осыларға күш жұмсау үшін көрсетілген ауылдарға шыққалы отыр. Соның үшін тез ырзалық берулеріңізді сұраймын. Егер бұл жағдай осы бетімен шара істелмей жүре берсе, әр ауылда осындайлар жол алып кетуге жағдай барлығы өзіңізге мәлім. 27/6-1932ж.

Шет аудандық милиция: қолы

Қылмысты зерттеу бөлім бастығы: қолы

Құпия бөлім басқармасы уәкілі.қолы Матайұлы.

Ескерту: мына жұмысты жете анықтап, тиісті шарасын қолданған нәтижесін хабарла. 28/6-1932 жыл[4].

Бұл құжатты толығымен дерлік қолданып отырмыз. Себебі сол кезеңдегі ауқатты адамдарға тағылған айып, сонымен қатар Ағыбай батыр ұрпақтарының ауылдастарына деген қарым қатынасы осы құжаттан айқын көрінеді. Кәмпсеке тізіміне іліккен Аманбай балаларының сот істері барынша жасырын жүрді. Айыптау бойынша жалға ақпараттар да қолданылды.

Әдебиет тізімі:

1. Шет ауданының мемлекеттік архиві. «Список кулаков и баев лишенных избирательных прав Қор 109п, тізім 1, сақтау бірлігі 13
2. Бұл да сонда.... 9 б
3. Бұл да сонда ...12 б.
4. Бұл да сонда ... 18 б.
5. Шет аудандық құжаттары. Фонд 265, опись 2, дело 2. Список кулаков и баев лишенных избирательных прав.

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ЧИСТОК ПАРТИЙНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА 1929-1932 ГГ. В РЕГИОНЕ

Козина В.В. – д.и.н., профессор

Джумабеков Д.А. – к.и.н., профессор

Карагандинский университет им. академика Е.А.Букетова

Караганда, Казахстан

vkozina55@mail.ru

В конце 1920-х - начале 1930-х годов Советский Союз вступил в полосу масштабных политических и социальных трансформаций. В этот период происходила быстрая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, формировались новые управленческие и партийные структуры, сопровождавшиеся усилением централизованного контроля и репрессивной политики. Карагандинская область, активно развивавшаяся как

индустриальный регион, оказалась в эпицентре этих процессов. Одной из форм политического давления стали партийные чистки - массовые кампании по исключению «ненадёжных» членов из рядов ВКП(б), рассматривавшиеся как способ укрепления партийной дисциплины и устранения инакомыслия.

Важным ограничением для исследователей долгое время был закрытый доступ к партийным архивам, особенно к фондам местных проверочных комиссий. Только в последние годы в стране началась работа по рассекречиванию материалов партийных фондов.

Исследование ранее недоступных материалов по этой теме осуществляется учеными Карагандинского университета им. Е.А. Букетова в рамках программ грантовых научных исследований Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2024-2026 годы, регистрационный номер № 6898 – И – 24 «Политические репрессии на территории Карагандинской области в 1920-1930 гг.» в Государственном архиве Карагандинской области.

Источниковую базу исследования составляют архивные документы фондов 363п. - Карагандинская областная партийная коллегия при Уполномоченном комитете партийного контроля КазССР; Фонд 717п. - Партархив Карагандинского Обкома Компартии Казахстана; Фонд 822п. – Контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции (КК РКИ) Карагандинской области; Фонд 1п. - Карагандинский обком ВКП(б); Фонд 3п. – Карагандинский горком ВКП (б); Фонд 9п. – Каркаралинский окружной комитет ВКП(б); Фонд 10п.-Каркаралинский райком Компартии Казахстана. В них содержатся протоколы заседаний центральных и региональных проверочных комиссий, учётные карточки о наложении партийных взысканий, списки исключённых из ВКП(б), докладные записки, а также служебная переписка партийных органов. Эти материалы включают решения партийных органов, протоколы заседаний, документы, касающиеся исключения членов партии и расследований по делам партийных чисток, а также показания по конкретным делам. Изучение этих документов дает возможность понять, как происходила процедура чистки на местном уровне, какие факторы влияли на принятие решений и какие методы использовались для определения «виновных».

Эти источники впервые позволяют реконструировать логику чисток, проанализировать их повседневную практику и масштаб в конкретном регионе. Вместе с тем, изучение этих документов не даёт полной картины происходивших процессов. Материалы разрозненны, охватывают отдельные годы, не всегда сопровождаются пояснительной документацией, а решения комиссий зачастую не содержат обоснованных объяснений. Большая часть материалов исполнена на тоте жазу или латинице. Это ставит перед исследователями задачу критического анализа и сопоставления с другими источниками, а также требует осторожности при формулировке выводов.

Ключевое значение для исследования вопроса имеют нормативные документы, регулирующие порядок проведения чисток, в частности: Постановление ЦИК и СНК № 124 «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций» от 1 июня 1929 г.; [1]; Постановление ЦК и ЦКК ВКП (б) «О чистке партии» от 28 апреля 1933 г. [2]; «Инструкция о порядке проведения чистки ВКП(б)», утверждённая в 1929 г., содержащая чёткие критерии, по которым подлежали исключению члены и кандидаты партии.[3]. Эти материалы свидетельствуют о том, что чистки представляли собой организованный, централизованный процесс, направленный на «оздоровление» партийных рядов. Нормативные документы закладывали как идеологическую, так и организационную основу кампании по выявлению «враждебных», «пассивных» и «чуждых» элементов в рядах партии.

В **Постановлении 1929 года** подчёркивалось, что чистка должна служить «средством большевистского самовоспитания и самокритики», направленным на укрепление дисциплины и идеологической устойчивости в рядах партии. Главными критериями для исключения являлись принадлежность к «классово чуждым элементам», политическая пассивность, «уклонение от общественно-полезного труда» и несоблюдение партийной

дисциплины. Упор делался на очищение от «бюрократии», оторванности от масс, и на вовлечение беспартийных трудящихся в процесс проверки. В документе также обращалось внимание на недопустимость превращения чистки в кампанию мести или сведения личных счётов [21].

Приложенная к Постановлению Инструкция о порядке проведения чистки предусматривала строго регламентированную процедуру, которая распространялась на все уровни партийной организации - от центральных до низовых. В ней детально описывались этапы чистки, включая:

- формирование комиссий по чистке - в регионах создавались специальные комиссии из числа наиболее надёжных и проверенных членов партии, часто с привлечением представителей из центра. В состав комиссии входили представители местных парторганов, органов РКИ (рабоче-крестьянской инспекции), а также активисты из числа беспартийных трудящихся;

- проведение собраний на местах - основным звеном процесса были открытые собрания первичных партийных организаций. На этих собраниях заслушивались характеристики, отчёты, выносились мнения о партийной активности, отношении к труду и дисциплине каждого члена партии;

- обязательное участие общественности - в соответствии с установками Инструкции, в заседаниях могли участвовать представители беспартийного актива и трудовых коллективов. Это делало процесс «гласным» и подчёркивало его якобы массово демократический характер, придавая давления «снизу»;

- право на самооправдание и высказывание мнений - чистка декларировалась как «большевистский акт воспитания», поэтому каждому члену предоставлялось право на самозащиту и самооценку. Однако на практике это право часто носило формальный характер и мало влияло на итоговое решение комиссии;

- оформление итогов и утверждение решений - решения первичных организаций и комиссий направлялись на утверждение в вышестоящие парткомитеты, которые могли пересмотреть исключения или дать указание на пересмотр дела. В случае серьёзных обвинений материалы передавались в органы ОГПУ.

На местах реализация Инструкции сопровождалась рассылкой директив обкомов и губкомов, где устанавливались сроки проведения чисток, критерии оценки и перечни категорий, подлежащих особому вниманию. В Карагандинском окружкоме, к примеру, создавались передвижные комиссии, выезжавшие в шахтёрские и сельские районы области, включая Карагандинские рудники и колхозы. В них входили представители окружного парткома, отделов кадров, органов ГПУ и редакций партийных газет.

Процедура сопровождалась значительным административным и идеологическим давлением: активу предписывалось обеспечивать «боевую обстановку», а за пассивность на собраниях могли последовать оргвыводы. Формировалась атмосфера подозрительности, поощрялась критика и доноительство, а само участие в комиссии рассматривалось как проявление преданности партии. Таким образом, несмотря на формально декларируемые цели - укрепление партийной дисциплины, повышение ответственности и оздоровление рядов, на практике чистки приобрели карательный, репрессивный характер. В условиях тотальной мобилизации общества, укрепления командно-административной системы и нарастания внутрипартийной борьбы, Инструкция стала инструментом политической селекции и идеологического давления, особенно заметного в регионах, где отсутствовала устоявшаяся партийная инфраструктура. В ней уточнялись и организационные аспекты: чистка проводилась на открытых собраниях, с обязательным заслушиванием характеристики, доклада бюро, обсуждения и голосования. Указывалась необходимость создания условий для самокритики и товарищеской оценки, что, согласно заявленной цели, должно было исключить репрессивный характер процедуры.[3]

К 1933 году, после ускоренной индустриализации, коллективизации, жестоко подавленных протестных волнений 1929-32 годов, голода 1931-1933 и массового пополнения партии за счёт рабочих и крестьян, стало очевидно, что предыдущие механизмы

не обеспечили требуемую «идеологическую чистоту». Это отразилось в Постановлении от 28 апреля 1933 года, где были даны более жёсткие формулировки и установлены приоритеты «железной пролетарской дисциплины» и «боеспособности партии». Документ фиксировал резкий рост численности партии - до 3,2 млн членов и кандидатов - и подчёркивал, что массовый приём открыл путь «чуждым», «двурушническим» и «карьеристским» элементам. Наряду с этим внимание акцентировалось на необходимости перевода политически неграмотных членов в кандидаты или даже в сочувствующие с последующей возможностью восстановления. Подчёркивалась роль беспартийных масс в деле чистки и необходимость открытых собраний с привлечением широкого актива. Было установлено провести чистку в 1933 году и «организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов». Партия руководствовалась при этом постановлением II-го конгресса Коминтерна от 30 июля 1920 года, в силу которого «коммунистические партии; всех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны производить периодические чистки (перерегистрация) личного состава партийных организаций, дабы систематически очищать партию от неизбежно примазавшихся к ней мелко-буржуазных элементов». Исходя из этой директивы Коминтерна, наша партия провела партийную перерегистрацию 1920 года, чистку партии 1921 года, чистку непроизводственных ячеек 1924 года, проверку деревенских ячеек 1925 года, чистку 1929-30 года. Эти чистки и перерегистрации, как известно, укрепляли ряды нашей партии, поднимали ее боеспособность, усиливали чувство ответственности каждого члена партии за работу партии.»[2]

Таким образом, нормативно-правовая база закладывала противоречивую основу: с одной стороны - декларация открытости, самокритики и партвоспитания, с другой - установка на удаление всех, кто не соответствует идеалу «большевистской твёрдости». Чистки становились удобным инструментом для дисциплинарного контроля и политической селекции, в особенности в условиях нарастания репрессивных тенденций в начале 1930-х годов.

В региональных партийных организациях, таких как Карагандинская, нормы принимались к исполнению в форме циркуляров и распоряжений губкомов и обкомов, а также реализовывались через деятельность специальных комиссий по чистке, созданных из «устойчивых» коммунистов. Эти материалы свидетельствуют о том, что чистки представляли собой организованный, централизованный процесс, направленный на «оздоровление» партийных рядов.

Важнейшей частью исследования стала работа с документами вышеупомянутых ранее закрытых архивных фондов, в частности с Протоколами заседаний проверочной комиссии по чистке партии за 1929 год, списками исключённых из партии, карточками учёта взысканий за 1932–1933 годы, Резолюцией 10-го пленума Карагандинского окрком ВКП(б), а также другими материалами, отражающими идеологическую линию центра, в том числе стенограмма собрания актива городской партийной организации 1934 года.

Резолюция 10-го пленума Карагандинского окрком ВКП(б), проходившая в январе 1929 года обобщая итоги чистки, отмечала, что она проходила «при широком и активном участии... батрацко-бедняцких масс... усиливая их влияние и интерес к жизни партии». Таким образом, партийная чистка приобретала характер публичной мобилизации беднейших слоёв, направленной на устранение «чуждых» или неблагонадежных элементов. [4, л.20]

Документы архива позволяют реконструировать не только механизм партийной чистки, но и выявить характер, логику и последствия решений, принимавшихся в отношении конкретных членов партии. Анализ архивных документов выявляет многослойность причин, по которым члены и кандидаты ВКП(б) исключались из рядов партии. Среди основных можно выделить следующие группы мотивов:

Идеологические и политические обвинения. Часто фигурировала связь с алашординцами или представителями «байского элемента». Приведем пример из протокола

№ 2 заседания райпроверкомиссии по чистке членов и кандидатов ВКП(б) по Аксаринскому району от 2-3 августа 1929 года:

Слушали: Жундыбаев Исакан Жундыбаевич, в партии с 15 декабря 1926 года, состоит в ячейке № 13 поселка «Энбек», год рождения 1896, национальность – казак, соцпроисхождение – крестьянин, соцположение – рабочий, производственный стаж 15 лет, малограмотный – самоучка, познание – прошел школу передвижек. В момент проверки в своем хозяйстве имеет одну лошадь, две дойные коровы, два барана, ½ десятины посева, в семье 6 душ, из них нетрудоспособных -3.

Обвинение: Имеет связь с чуждыми элементами – алашординцем Алимбековым И. и баем Тойчибаевым. У последнего пользовался лошадей, защищал их интересы при конфискации баев, полуфеодалов, на беспартийных собраниях выступал в защиту последних, за что райкомом ВКП(б) был снят с должности секретаря аулсовета и объявлен выговор. Являясь фактически главой хозяйства от имени 80-летнего отца принес жертвы на «Курбан - Айт».

Постановили: Ввиду доказательности обвинения: о связи с чуждыми для партии элементами, выразившимися в защите их от конфискации на бедняцких собраниях, пользованием лошадьми бая и соблюдении религиозных традиций – принесение жертв на «Курбан – Айт» Жундыбаева Исакана из рядов ВКП(б) исключить». [5, л.33]

Подобные связи трактовались как враждебная деятельность. Прямые обвинения в однотипных «делах» включали формулировки: «имеет связь с чуждым элементом», «защитник баев», «не проводит линию партии» и др.

Социальное происхождение и бытовое поведение. Преступлениями считались действия, которые выходили за рамки партийного аскетизма или подрывали дисциплину: пьянство, взятие калыма, отказ от коллективизации и др. Пример: Шотбаев Калык Шонтаевич был исключён из рядов ВКП(б) за получение за сестру калыма – 1 кобылы, 1 быка, 1 танчи, 1 барана, 1 халата, 1 седла и 5 рублей. [6, л.34]

Член ВКП(б) Нурмагамбетов в бытность в Аксаринской волости просватал свою дочь комсомолку без её согласия за сына бая для обновления родственной связи и получения от него калыма: сельхозмашину, рыжую кобылу, которую зарезал на согым и мышастого коня. При вступлении в партию скрыл, что у него отец является бывшим баем и бием. Являясь членом ВКП(б), до сего времени не порвал связь с отцом и в данное время имеет тесную связь, за что райпроверкомиссия по Кувскому району своим постановлением от 23 августа 1926 г. из рядов ВКП(б) исключила. [7, л. 45]

Аязбаев скрыл при поступлении в партию свое социальное положение. Крестьянин. В хозяйстве имеет: 11 крупных, 2 мелких лошадей, 8 крупных и 2 мелких коровы, 1 верблюда, 30 баранов, грамотный. С целью прикрытия своего социального происхождения приобрел звание рабочего на заводе Ридер. Прикрывается, как чернорабочий. Платил калым за свою жену, получал калым за свою сестру. Отец - поставщик, аксакал аула, живут совместно, применял издевательства по отношению к отдельным батракам (избиение пастуха Юсупова). Женился за калым: отдал 3-х быков, 2 коровы, 2 лошади, и 100 рублей денег, а также сестру продал за калым: получил 1 кобылу, 1 тай, 100 рублей денег... Из рядов ВКП(б) исключить, дело передать прокурору для привлечения по судебной линии. [8, л.49]

Эти примеры позволяют говорить о широком диапазоне причин, зачастую выходящих за рамки политических критериев и свидетельствует о борьбе партии не только с политической оппозицией, но и с традиционными культурными практиками.

Хозяйственные нарушения. Исключения также нередко производились за убытки, растраты, «развал общепита», использование ресурсов не по назначению и пр. Пример из списков: «За разбазаривание продуктов», «За растрату и связь с чужеродным элементом осуждён нарсудом», «за разложение труддисциплины и систематическую пьянку». [9, л.5]

Административно-бюрократические поводы. Многие случаи касались невыплаты членских взносов, непосещения политучёбы, непроизводственных командировок и т. п. Так, Куртанов Карбан – член партии с 1931 года исключен за неуплату членских взносов и

пассивность; Бухаршин К. - член партии с 1929 года исключен за развал партработы и пассивность. Такие формальные поводы, как видно, также широко использовались в механизме партийной чистки. Кроме того, интересна также такая формулировка, как «пассивное пребывание в партии», за которую пострадали 18,7% исключенных. [10, лл. 89-92]

Чаще всего в списках исключенных звучат двойственные трактовки «вычищения». Например, Джумабеков в партии с 1932 года - исключен за убой скота и потерю классовой бдительности; Блудчин Семен в партии с 1931 года - исключен за систематическую пьянку и дискредитацию; Байгарин Ахметкан - в партии с 1932 года - исключен за связь с чуждыми элементами и протекулизм; Колдаспаев Кашкымбай - в партии с 1920 года исключен за разложение партработы, зажим критики и самокритики; Сухоруков Сергей Петрович в партии с 1931 года – исключен за дезертирство и нарушение партдисциплины. Упоминались также «бюрократизм, бесхозяйственность и нарушение трудовой дисциплины» (за это пострадали 5,8% исключенных), а также «пьянство и исполнение религиозных обрядов». [10, лл.89-92]

Анализ статистических отчетов (сводок) итогов проверки и чистки личного состава партии в 1929 году показал, что из 206 коммунистов, состоящих на учете в результате чистки исключено 26 человек или 12 %. Из числа исключенных, 49% составляют крестьяне и служащие. Интересны и данные о партийном стаже вычищенных: со стажем до 1916 г. – 1,2%; с 1917 до 1921 гг. – 7,7%; с 1922 до 1923 гг. – 12,1%; с 1924 до 1925 гг. – 7,4%; с 1926 до 1927 гг. – 2%; с 1928 г. - 5,5% и с 1929 г. – 2,9%. [11, л.1]

По вышеуказанным архивным материалам трудно проследить тех, кто был подвержен политическим репрессиям после исключения из партии. Вместе с тем, очевидно, что репрессивная политика государства была нацелена на искоренение остатков социально и политически «чуждых» слоев и групп населения, а «пятна» в биографии и прошлые «политические грехи» могли сыграть роль при выборе жертв на следующем этапе репрессивной политики, так как в действии механизма отбора жертв среди партийных, советских и хозяйственных руководителей решающее значение имели актуальные (на момент репрессий) проявления нелояльности к вышестоящему руководству или неадекватное выполнение спускавшихся сверху плановых заданий и директив и т.д.

Таким образом, документы Государственного архива Карагандинской области являются полноценным источником по исследованию чисток партийного и государственного аппарата 1929-1932 гг в регионе и свидетельствуют, что механизм исключений носил ярко выраженный идеологический, репрессивный и дисциплинарно - контролирующий характер, что позволяло партии осуществлять не только внутреннюю селекцию, но и социальную инженерию на местах.

Литература

1. ГАКО.Ф.3п.Оп.1.Д.50.Л.16-19, 24-25
2. О чистке партии. Постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) от 28 апреля 1933 г. Приложение № 6 к п. 35/22 пр. ПБ № 137. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://istmat.org/node/58868>
3. ГАКО.Ф.3п.Оп.1.Д.50.Л.7
4. ГАКО. Ф. 717, Оп. 2, Д. 227, Л.20
5. ГАКО.Ф.9п.Оп.1.Д.38.Л.33.
6. ГАКО.Ф.9п.Оп.1.Д.38.Л.34.
7. ГАКО.Ф.9п.Оп.1.Д.38.Л. 45
8. ГАКО Ф. 363. Оп.3.д.1.Л.49
9. ГАКО Ф. 363. Оп.3.д.1.Л.51
10. ГАКО.Ф.3п.Оп.1.Д.31.Л.89-92
11. ГАКО.Ф.3п.Оп.1.Д.31.Л.89-92.